Попова О. Д.
(Рязань)

УДК 008:947.084

БОРЬБА ЗА ОБЩЕПИТ: РОЛЬ СИСТЕМЫ ПРОПАГАНДЫ В СОЗДАНИИ НОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ

В статье анализируется система агитации и пропаганды в периодической печати в годы первой пятилетки за переустройство быта и развитие общественного питания. Автор показывает, что советская власть рассматривала переустройство домашнего быта как важное условие вовлечения женщин в промышленное производство. Предлагалось создание коммун как формы совместного проживания, распространение системы прачечных, развитие системы общественного питания, причем речь шла о полной замене домашнего питания на общественные столовые. Борьба за общепит тесно переплеталась с борьбой с алкоголизмом, ставилась задача организации культурного досуга. Статья рассматривает публикации на страницах журнала «Культура и быт» и в провинциальных газетах. Исследуются механизмы и приемы воздействия на общественное сознание: общественные смотры, использование различных форм сопоставления дихотомии «свой» - «чужой», содержание публикаций, иллюстративного материала. Анализ статей показывает, что пропаганда пыталась ассоциировать старый мир женщины с тяжелым домашним трудом по приготовлению ежедневно еды, стирки, уходу за детьми. Публикации на страницах газет пытались убедить читателей, что индивидуальная кухня в квартире – это большое расточительство по отношению к расходованию жилой площади. Одновременно рассказывалось как об успешном опыте организации столовых, чайных, так и о недостатках работы отдельных столовых. Однако автор приходит к выводу, что оценить результаты этой пропагандистской работы сложно, поскольку власть сама стала постепенно сворачивать политику полной унификации бытовой жизни, так как поняла невыгодность для дальнейшего экономического развития страны.

Ключевые слова: пятилетка, индустриализация, общепит, столовые, коммунальная кухня, пропаганда, женский труд, новый быт.

The paper analyses propaganda materials which were published in the periodical press during the first five-year plan period and promoted public catering as an alternative to old-fashioned household routines. The author underlines that the Soviet government treated household routine transformation as a prerequisite to women's industrial involvement. The Soviet government promoted communal living, popularized communal laundry facilities and public catering system. The promotion and popularization of public catering was intertwined with an anti-alcohol campaign and the promotion of cultured leisure. The author analyzes articles published by the Culture and Routine magazine and provincial newspapers. The author investigates the mechanisms of public consciousness transformation via public festivals and "ours vs. theirs" dichotomy. The analysis of the aforementioned articles shows that propagandists tried to equate women's old-fashioned household routines with hard everyday labour (cooking, cleaning, laundry, child care). Newspaper articles attempted to persuade readers that having individual kitchens was a waste of living space. Newspaper articles promoted public catering, praised well-functioning public canteens and tea houses and censured mal-functioning ones. However, the author maintains that is difficult to objectively assess the effects of the Soviet propaganda, for the Soviet government soon realised that public catering was economically unprofitable and unfeasible.

Keywords: five year plan, industrialization, public catering, public canteen, communal kitchens, propaganda, female labour, new routine.

DOI: 10.24888/2410-4205-2021-28-3-42-53

Советское правительство, придя к власти, стремительно начало перестраивать все стороны жизни российского общества. В частности, вслед за Временным правительством новая власть поддержала равноправие мужчин и женщин, объявив равное право на образование, начав стремительно привлекать женщин на производство. Развитие индустриализации тесным образом было связано с широким внедрением женского труда в промышленность.

Однако эта цель была выполнима при преодолении как ментальных препятствий, так и при создании необходимых материальных условий. Преодоление ментальных традиций требовало изменения пренебрежительного отношения общества к идее женского труда на производстве. В частности, брошюра «За социалистическую перестройку быта» замечала, что на ряде производств этого резерва рабочих рук не видят. «Баба к заводскому труду мало приспособлена» - было типичным убеждением на ленинградском заводе «Борец» [32, с. 7].

Поэтому переустройство общества было связано не только с развитием промышленности, вовлечением женщин в производство, но и с формированием нового уклада быта, реорганизацией жизненного уклада женщины, созданием новых социальных институтов. Нельзя не согласиться с мнением, которое приводит А. Я. Лившин, что пропаганду лучше всего рассматривать как продуманное целенаправленное стремление манипулятивно влиять на общественное мнение посредством трансляции важных для пропагандистской системы идей и ценностей [29, с. 22]. Он же отмечает, что на специфику пропаганды влияет система коммуникации на данный период времени, а также использование различных приемов агитации.

Необходимо было решить сопутствующее задачи: переселение большого количества населения в города на большие стройки, преодоление тяжелого наследия гражданской войны, решение жилищной проблемы, соблюдение санитарно-гигиенических норм требовало формирования у населения определенных навыков проживания в городах. По утверждению А. Ю. Климочкиной, как только традиционные механизмы общинного контроля перестали воздействовать на бывших крестьян, попавших в новую городскую среду обитания, города захлестнула волна различных проявлений девиантности. Власть в решении этих вопросов, в том числе, прибегала к позитивной политике, выразившейся в популяризации и пропаганде идеи «культуры» [7, с. 87].

Представляется важным проследить, какие механизмы агитации и пропаганды использовала власть в период индустриализации в борьбе за формирование нового образа жизни, создание новых актов социального поведения. Актуальность данной проблемы определяется тем, что исследование опыта формирования в обществе различных социальных практик важно на любом этапе исторического развития. В настоящем исследовании основное внимание сосредоточено на изучении опыта формирования социальных практик через средства периодической печати. Большую роль в формировании нового быта в годы первой пятилетки играл орган ВЦСПС и общества «За здоровый быт» журнал «Культура и быт». В 1928-1930 годах журнал выходил под названием «Трезвость и культура», затем в 1930 году был переименован в «Культура и быт». В 1932 году волился в журнал «Культурная революция». Для исследования привлекались и периодические издания, выпускавшиеся в провинции, в частности, воронежская ежедневная газета «Коммуна» и ульяновская газета «Пролетарский путь».

Изучение материалов периодики позволяет сделать вывод, что власть использовала различные механизмы пропаганды, побуждающие женщину пойти на производство. Например, газета «Культура и быт» канун 8 марта 1931 года встретила развернутым материалом на тему женского труда, используя традиционный механизм противопоставления: счастливый труд в СССР/эксплуатация в странах капитала, старый мир/новый мир.

Этот прием широко использовался в пропаганде, в том числе, и в борьбе за вовлечение женщин в производство. Капиталистический мир сопоставлялся с новым социалистиче-

ским, старый дореволюционный режим с новым светлым будущим. Как отмечают А. Я. Лившин и А. С. Ложкина, важным аспектом функционирования общественного сознания является идентификация через дихотомию бинарной оппозиции «свой – чужой», «мы – они» [28, с. 2].

Статья «Выполним план привлечения женщин в промышленность» очень ярко живописала ужасы капитализма: «8 марта 1931 года в странах капитала проводятся в условиях жесточайшего капиталистического кризиса, наличия 36 млн. безработных доходящий до крайних пределов нищеты» [25, с. 4]. При этом основная цель публикации была разоблачить обвинения буржуазной прессы в попытках советской власти разрушить семейные устои в молодой советской республике: «Печать английских рабовладельцев, «забыв» о том, что в английской промышленности свыше 3500 тысяч работниц работают за нищенскую зарплату, как дешевая рабочая сила, вдруг завопила о разрушении семейной жизни в СССР, вследствие вовлечения женщин в производство» [25, с. 4]. Статья, оформленная как ответ иностранным журналистам, в первую очередь была нацелена на слом российской ментальности. Традиционно в условиях капитализма женский труд на производстве оплачивался меньше, чем такой же мужской труд. Поэтому Советская власть пыталась убедить население, что приход женщин на производство уже будет на других условиях – на условиях освобожденного труда. Этот же номер журнала содержал статьи, рассказывающие о женщинах, которые уже трудились на производстве, причем на тяжелых работах. В частности, в номере были опубликованы фотографии женщин, работающих на зеркальной фабрике, и фотография тверской комсомолки – помощницы машиниста паровоза – за ремонтом состава.

К важнейшим материальным условиям привлечения женщин на производство власть относил переустройство бытовых условий. Как отмечалось в пятилетнем плане внедрения женского труда: «Без освобождения женщины от самых грубых и рабских домашних пут немислимо перенесение активности женщин из кухни на производство» [4, л. 134 об.]. Важными шагами в этом направлении было стремление власти перестроить проживание рабочих семей на основе нового совместного быта: дома-коммуны, общежития, коммуны. Н. Ю. Костюрина приходит к выводу, что организация коллективного быта ставила цель унификации жизни советского человека, создание условий равенства в самом примитивном смысле: одинаковая мебель, одинаковая обстановка, порой в такие коммуны запрещали ввозить свои вещи [11, с. 149]. Однако, кроме идеи равенства унификация быта имела и определенные практические цели: в таком доме гораздо проще организовать совместное питание, прачечную, общий коллективный отдых, целью которого было воспитание нового человека. Для того, чтобы все могли представить этот новый быт, власть использовала уже такой проверенный прием, как выставки.

Летом 1930 года комиссия ВЦИК по улучшению труда и быта женщин, организовала выставку по быту, которая была открыта летом в Москве в парке культуры и отдыха. Подготовка выставки началась в январе 1930 года. В письме президиума комиссии ВЦИК по улучшению труда и быта женщин датированным январем 1930 года, говорилось: «Обмен мнений с рядом организаций привел к заключению, что лучшим методом пропаганды новых культурных навыков в быту явится наглядное ознакомление широких народных масс, как надо строить свой быт в условиях коллективизации и реконструкции хозяйства и что такое наглядное ознакомление возможно только путем организации выставки по быту, на которой широко и убедительно должна быть представлена разница между условиями старого и нового культурного быта» [6, л. 53].

Деятельность этой выставки подробно освещалась в прессе. Например, один из выпусков «Рабочей газеты» был целиком посвящен рассказу об этой выставке. Журнал «Культура и быт» опубликовал цикл статей, рассказывающих о различных разделах выставки. Например, статья «Ценный показ» повествовала о новых вариантах устройства жилья – складная мебель, которая экономит пространство, кухонная мебель и посуда, которая снаб-

жена новыми устройствами: термосом, мусоропроводом, сушилкой для посуды. В частности, авторы статьи убеждали читателей, что использование новых бытовых приборов позволит значительно сократить время приготовления обеда: «Вам не нужно 2-3 часа готовить обед, прокипятив воду вы ставите суп в термос, и можете спокойно отправляться из дома, ничто у Вас не сбежит и не пригорит, а все прекрасно проварится» [13, с. 14]. В этом же выпуске были размещены фотографии оборудования общественных прачечных.

В июне 1930 года, рассказывая о выставках по быту, журнал поместил фотографию примуса в полную страницу журнала с такой подписью: «тот который если и не будет занимать видное место на выставке быта, то является в быту рабочего эмблемой закрепощения женщины, кухонных сор и дрызг, носителем гари и копоти бытовой и комнатной» [18, с. 6]. Советская пропаганда не зря ополчилась на этот предмет кухни: в бытовой практике это очень неудобная вещь, источник опасности пожара. Готовить на нем пищу было очень трудно: сам примус издавал очень много шума, требовал постоянной прочистки, готовить на нем было очень сложно. Как отмечает А. Митрофанов, на примусе можно было кипятить воду и готовить все блюда, требующие варки или жарки, однако томить, тушить на примусе было нельзя. Этот же автор приводит пример кулинарных хитростей, которые публиковались на страницах издания «Московский большевик»: «Можно сделать термос в виде деревянного ящика с двойными стенками, пространство между которыми заполнить опилками, соломой, ватой. В таком «термосе» обычно доходят щи, которые варят на керосинке 2-3 часа» [31, с. 148]. Однако сдержать обещания быстро убрать этот символ коммунальной кухни не удалось. Придя в Россию в начале XX века в период русско-японской войны, примус обосновался на кухне до конца 1950-х годов [31, с. 153-154].

Публикации журнала «Культура и быт» также рассказывали о росте производства бытовых электрических приборов: чайников, кастрюль, плиток, утюгов. Заметка убеждала читателя, что если в 1929/1930 годах было произведено 4 тыс. электрических чайников, то в 1931 их количество возросло до 19 тыс. [20, с. 24]. Однако для многих читательниц такие заметки были как о полетах на Луну, так как «лампочка Ильича» не загорелась еще в очень многих домах городов и поселков. Например, на Урале в конце 1930-х годов электроэнергией пользовались 2,4 % колхозов, 24 % машинно-тракторных станций (МТС) и 31 % совхозов [12, с. 55].

Даже в послевоенное время многие жители нашей страны продолжали жить при свете керосиновых ламп. Например, в 1956 году гвардии капитан Моисеенко в своем письме в редакцию газеты «Правда» спрашивал, почему жителям села Дягилево, что в 180 км от Москвы и в радиусе 500-800 метров от промышленных предприятий г. Рязани, 200-х метров от троллейбусной линии, электричество не доступно и живет поселок Дягилево при керосиновых лампах [2, л. 134].

Одновременно пропаганда обещала избавить женщину еще от одного тяжелого обременительного труда – это стирки. Газеты, используя распространенный прием сопоставления старого и нового, показывали, как замечательно изменится жизнь с распространением механических прачечных. Например, журнал «Культура и быт» в публикации «Что освобождает женщину...» рисовал радужные картины как будет налажен процесс стирки в такой прачечной: хозяйка приходит с узлом белья, взвешивает и оплачивает стирку по таксе, затем в специальном зале стирает белье в машине, затем отжимает в центрифуге и высушивает в гладильно-сушильном аппарате. Для убедительности также использовался прием сопоставления старого/нового. Публикация не только содержала фотографии таких новых прачечных, но и сцены традиционного полоскания белья в проруби женщинами, причем сила воздействия усиливалась именно сценами зимней стирки. Женщины на льду, на фоне снежных сугробов в тулупах и платках полощут белье [17, с. 12].

Много публикаций в журнале «Быт и культура» касалось различных вариантов организации нового типа жилья и организации в нем питания. И. Бахтерев в публикации «Дом и быт» рассказывал о планируемом новом типе жилья – домах переходного типа, которые по-

зволили бы сочетать индивидуальный и общественный быт и не отпугивать население от идеи коллективного быта, как это имело место в московской коммуне на Шаболовке. Жилой сектор предполагалось обустроить из жилых ячеек на две комнаты, на 7-8 ячеек предполагалось оборудовать санитарный узел с душем или ванной, а также духовым шкафом. По идее автора духовым шкафом жители должны были пользоваться по очереди: «по мере надобности шкафа на определенное время и определенный день закрепляется за одной из ячеек». При этом автор пытается убедить читателя, что такое устройство не будет подобно коммунальной кухне: «На первый взгляд может показаться, что из-за духовки получится «клуб скандалов», как это часто бывает в густонаселенных квартирах. Но духовой шкаф в социалистическом доме ни кой мере не соответствует примусам и плите в коммунальной квартире. Не надо забывать, что все жильцы дома будут пользоваться общественным питанием и лишь в редких случаях прибегать к домашней стряпне» [19, с. 5]. При таких домах планировалось устройство общей столовой на 10 тыс. человек.

Ульяновская газета «Пролетарский путь» пыталась убедить читателей, что индивидуальная кухня в квартире – это большое расточительство по отношению к расходованию жилой площади. В частности, в номере от 1 апреля 1930 г. сообщалось, что по жилищной переписи 1926 года 30 млн. кв. метров в городских квартирах занимают кухни, что для государства очень расточительно [34, с. 3]. И в этом номере содержался призыв использовать помещения этих кухонь не только под жилье, а под организацию клубов и детских яслей.

Дом-коммуна выступал в тот момент как идеал будущего быта, но пока строительство таких домов только внедрялось в нескольких городах в качестве эксперимента. Широкое распространение получила организация коммун как формы совместного проживания и ведения хозяйства. О таких коммунах также очень широко рассказывалось на страницах журнала «Культура и быт». Например, подробный рассказ о производственной бытовой коммуны фабрики «Пролетарский путь» пытался убедить читателя в преимуществе такого быта. Коммуна состояла из 10 человек и одной работницы, коммунары обобществили 70% заработной платы, на эти средства приобретались продукты, приготовлением обеда занималась работница коммуны, завтрак готовили члены коммуны по очереди. При этом статья пыталась убедить, что коммуна облегчает не только непосредственно быт, но и осуществляет воспитательную работу: воздействует на любителей выпить, стимулирует заниматься общественной работой. Как говорилось в статье: «вечером коммунаров застать дома нельзя. Они – или на учебе, или в клубе на общественной работе» [22, с. 13]. Само название статьи было весьма говорящим: «Кузница показательных людей».

Как важнейшее условие внедрения женского труда советская власть видела развитие сети общественного питания. В соответствии с планом пятилетки общая продукция по предприятиям общественного питания к концу пятилетки должна была составить около 50 млн. блюд ежедневно. Из этой продукции до 30 млн. блюд рассчитывалось на промышленных рабочих и членов их семей [6, л. 38-39]. Предполагалось, что общественное питание будет обеспечивать полное суточное обслуживание каждому потребителю не менее 3 полноценных горячих блюд в день (считая 2 горячих блюда на обед и 1 одно горячее блюдо, по калорийности равное 1/2 обеда или даже больше, на завтрак или ужин. Таким образом, Советская власть считала необходимым полностью заменить домашнее приготовление пищи на посещение общественных столовых.

Пропаганда в этом вопросе действовала в нескольких направлениях. Одним из вариантов была публикация статей, где о развитии общественного питания читателям рассказывали языком цифр, пытаясь воздействовать на сознание именно масштабностью процесса, приравнивая тем самым развитие общепита к другим масштабным задачам индустриализации: «Если мы возьмем цифры двух лет последней пятилетки, то картина получится такая: по данным Центросоюза средний суточный выпуск продукции по общественному питанию возрос с 3 млн. блюд в 1929/1930-х годах до 10 млн. блюд на 1 октября 1930 года и до 17 млн. блюд на 1 января 1931 года» [24, с. 7].

Еще одним из направлений было убеждение общества в том, что приготовление еды на частной кухне забирает много времени, является источником скандалов. Журнал «Культура и быт» использовал очень показательный прием – показывал в ярких красках быт таких семей в различных аспектах. Например, публикация «Старое и новое» велась от имени врача, который делал обход участка, и главное внимание в ней уделялось условиям жизни разных семей. И в первую очередь внимание обращалось именно на недостатки старого быта, жилье рабочих, злоупотребляющих алкоголем, показывалось как антисанитарное и заросшее грязью. Вот так показывалась жизнь в коммунальной квартире, где хозяйки еще продолжают готовить на общей кухне: «На кухне примусное столпотворение. Раскаленные не менее своих примусов, «домхозы» оживленно переругиваются на разные голоса и темы» [16, с. 8]. В этой публикации автор подводил итог: «хорошие общественные столовые – мощное оружие в борьбе с примусами и со всем старым, мещанским укладом быта».

Однако одних призывов пользоваться общественными кухнями было мало, необходимо было развивать это самое общественное питание. А это требовало преодоления большого количества трудностей: не хватало помещений, специалистов, необходимо было наладить систему организации подачи блюд, особенно в столовых на больших предприятиях.

Протокол заседания Президиума совета содействия общественного питания при СНК от 20 февраля 1930 года констатировал полную непорядочность дела подготовки кадров общественного питания [5, л. 30]. В июле 1931 года потребность в специалистах высшей квалификации в сфере общественного питания составляла 450 человек, при выпуске всего 7 человек (сектор общественного питания Плехановского института) [5, л. 3].

20 февраля 1931 года этот же президиум также констатировал, что несмотря на наличие больших достижений в части количественных показателей общественного питания (увеличение продукции за год с 1-1,5 млн. на 1.10.29 до 11,6 млн. блюд на 1.1. 1931, организацию сети крупных фабрик-кухонь, приближение сети столовых к работе потребителей) качественные показатели продолжают сильно отставать: низкое качество отпускаемых обедов, значительное хищение и утери, низкое обслуживание [5, л. 32]. Как один из вариантов решения проблемы предлагалось расширять сеть самостоятельных столовых за счет переключения индивидуального пайка в русло общественного питания, т. е. общественности предлагалось организовать общественные кухни.

Для реализации этого варианта общественного питания опять же широко использовались методы агитации и пропаганды. При этом широко использовался не только журнал «Культура быт», но также подключалась региональная пресса. В 1930-1931 годы проблема организации общественного питания широко освещалась наравне с вопросами посевной и уборочной, борьбой с религией и кулачеством. Например, газета «Пролетарский путь» призывала организовать самодеятельные столовые для колхозников, убеждая читателей, что при совместном котле пищу на 20-30 человек могут сварить 1-2 человека. Посуду рекомендовалось использовать из конфискованного у кулаков имущества [35, с. 3].

Одним из таких механизмов внеэкономического стимулирования трудовой деятельности масс в этот период были смотры, которые проводились на разные темы и по разным поводам. Например, газета «Пролетарский путь» в апреле 1930 года сообщала о смотре техники к началу посевной. В это же время был объявлен смотр общественного питания, цель которого была привлечь внимание общественности и руководство предприятий к состоянию общественных столовых. Опять же пресса различного уровня неоднократно сообщала о ходе смотра. Сообщения, которые поступали с мест, представляли порой не очень радужную картину. Подборка сообщений с мест, которую осуществил журнал «Культура и быт», свидетельствовала, что проблем с организацией питания очень много. Даже в Одессе, где хозяйки всегда славились умением приготовить множество вкусных и разнообразных блюд, качество обедов в столовых низкое, а начальство многих предприятий вообще о смотре не слышали. В то же время публикация на страницах газеты «Коммуна» убеждала читателей, что именно смотр столовых в Воронеже, Орле, Тамбове вынудил заведующих столовых от-

читаться перед собраниями рабочих, активизировал деятельность домохозяек по организации самодеятельных столовых, заставил заниматься организацией столовых в колхозах [9, с.2].

Одним из пропагандистских приемов было широкое применение критики. Сообщать на страницах газет о негативных фактах в том или ином вопросе в начале 1930-х годов было обычным делом. В рамках развития общепита на страницах прессы публиковалось много критических материалов, которые рассказывали о недостатках работы общественных столовых. Например, одна обзорный материал очень красноречиво назывался «Хотите ли Вы пообедать без очереди?» В нем рассказывалось о плохо налаженном деле в столовых Москвы, Подмосковья, Нижнего Новгорода. Например, сообщалось, что столовая завода «Красная Пресня» способна одновременно пропустить только 60 человек при работающих на заводе 900 человек, в зале на столах горы грязной посуды, разбросан хлеб. В столовой совхоза «Засижье» в Ивановской промышленной области нестерпимо воняло протухшим мясом, за неимением места для его хранения [21, с. 11]. Региональные издания тоже не замалчивали негативные факты.

При этом пресса не забывала рассказывать о положительном опыте решения той или иной проблемы. Например, газета «Пролетарский путь» рассказывала о том, что проблема кадров для столовых решалась организацией кулинарных курсов. Заметка сообщала, что на курсах занималось 31 человек, которые на практике в столовых осваивали навыки приготовления пищи [17, с. 4]. А газета «Коммуна» сообщала, что в Воронеже на заводе им. Дзержинского удалось организовать питание рабочих завода практически без очередей за счет сменности (все рабочие получили билеты трех цветов: красные, синие и зеленые) и организации работы официантов, которые накрывают заранее столы к обеду, осуществляют развоз блюд на тележках по столам [10, с. 3].

Широкое применение критики, сопоставления положительных и отрицательных примеров также можно отнести к составлению дихотомии бинарной оппозиции «свой – чужой». «Своими» в данном случае выступали положительные примеры организации общественного питания, а «чужими» – неудачные.

Следует обратить внимание на риторику, которую использовала пропаганда при обозрении работы столовых: «Цех питания», «37 млн. блюд в день», «Цех питания – это не только столовая». Таким образом, ставилась задача показывать процесс приготовления и потребления пищи как работу непрерывного цеха промышленного предприятия: как промышленные детали – готовые блюда выходят из-под рук поваров, сам процесс потребления еды тоже подобен промышленному производству: унифицирован, доведен до автоматизма и не занимает много времени. Исследователи Д. Д. Ющук и А. С. Бочкарева, касаясь специфики пропаганды времен гражданской войны, отмечают: «При формировании советской политической культуры все семантическое пространство пропаганды было задано развертыванием двух ключевых метафор — «строительство нового общества» и «фронт» - находящихся между собой в тесной взаимосвязи» [38, с. 281]. Фактически такую же специфику агитации можно отнести к периоду индустриализации. Только в данном случае слово «фронт» уже заменялось понятиями, обозначающими «промышленность», «цех», «индустриализация».

Борьба за систему общественного питания тесно смыкалась с еще одной проблемой — это борьба с пьянством и наркоманией. Советская власть в конце 1920-х годов встретила с ростом алкоголизма и наркоманией. Причин тому было множество. В частности, низкие закупочные цены на зерно стимулировали рост самогонварения, крестьянам было выгоднее перерабатывать зерно в самогон, чем сдавать его государству. Также Н. Лебина отмечает, что росту потребления алкоголя способствовала политика борьбы с оппозицией в конце 1920-х: чувство нестабильности, желание уйти от необходимости решения проблем вызывало стремление найти забвение в алкоголе [26, с. 336]. Следует также отметить, что расширение продажи спиртных напитков стало источником пополнения государственного бюджета на нужды форсированной индустриализации (в 1929 году был впервые спущен

план по водке) [1, с. 255]. Однако проявлялась и другая сторона вопроса: беспробудное пьянство наносило серьезный урон хозяйству. Поэтому позиция власти в этом вопросе была двойственной: с одной стороны, продажа алкоголя приносила прибыль государству, а с другой стороны, человек, перешедший грань алкоголизма, уже не мог приносить пользу. Борьба за развитие системы общественного питания сопровождалась еще пропагандой замены рюмочных и пивных на чайные с залом-читальней. Нельзя не отметить рациональность и правильность этой цели, поскольку рабочие порой были не в состоянии разумно потратить свои заработанные деньги и их надо было учить проводить свой досуг. В Москве медики констатировали, что с ростом заработной платы росло и потребление алкоголя [26, с. 335]. Поэтому в прессе очень часто сообщения о работе столовых соотносились с сообщениями о борьбе за трезвый образ жизни. Опять же использовался традиционный прием: негативные факты должны были вызвать осуждение у читателей, положительные примеры – одобрение. Например, газета «Пролетарский путь» в заметке «Закройте пивную» сообщала, что закрытию всех питейных заведений были рады все семьи пьющих. Однако с открытием новой пивной на окраине города практически каждый день на ранее тихой улочке стали каждый день происходить драки [33, с. 5]. Осуждению также подвергались и факты формального подхода к агитации и пропаганде.

Например, газета «Коммуна» сообщала, что в городе Бугучар пропагандистскую литературу продавали в нагрузку к товарам, особенно комично выглядела продажа антиалкогольных книжек в нагрузку к водке [8, с. 5].

В качестве образцового варианта проведения досуга пресса рекламировала чтение газет, политической литературы, причем коллективное, игру в шахматы или другие настольные игры. Например, публикация «Не только столовая, но и культурный очаг» рассказывала о нижегородской столовой завода «Двигатель революции», в которой кроме питания рабочих был налажен и досуг: «Красный уголок с черными кругами репродукторов, концертная площадка с роялем. Все это обеспечивает развлечения столующихся, знакомство не только с «рабочим полднем»» [23, с. 19]. Нередко на страницах газеты как положительный пример размещали фотографии рабочих, коллективно читающих газеты.

Публикации о жизни рабочих также нередко касались проблемы алкоголизма. Четко проводилась мысль, что образцовым жилище в хорошем санитарном состоянии может быть только у непьющих людей. Уже упоминаемая выше публикация врача, осуждавшая коммунальную кухню, касалась и этой проблемы. В частности, автор отмечал, что жилье рабочих, злоупотребляющих алкоголем, грязно, комнаты темные, отсутствует нормальная мебель. В противовес этой мрачной картине автор рисовал другую: комната буквально блещет чистотой и наполнена солнцем, на столе ряды книг, труды Ленина, Горького, словари немецкого языка, книги по политграмоте. Хозяин комнаты на вопрос: «Вино пьете?» отвечает, указывая на книги: «Вот мое вино, иногда упиваюсь до поздней ночи» [16, с. 8-9].

Общественная пропаганда пыталась внушить людям, что алкоголизм – это болезнь, которая может подвергаться лечению. В этот период медицинские способы борьбы с этим недугом стали широко внедряться в практику. В стране стала формироваться сеть противоялкогольных диспансеров. В Москве в середине 1929 года работало уже 30 диспансеров [26, с. 337]. Поэтому публикации на страницах журнала «Культура и быт» были наполнены рассказами о работе больниц по лечению алкоголиков. И, как всегда, очень широко использовался прием публикации выступлений от лица трудящихся, которым удалось преодолеть этот недуг. Все такие выступления содержали традиционный мотив: до лечения у меня все было плохо, после лечения бросил пить и жизнь наладилась». Журнал «Культура и быт» опубликовал целую подборку таких откровений от лиц, бросивших пить именно благодаря лечению под говорящим названием: «Вернувшиеся к жизни». Так, один из авторов писал: «С 17 до 35 я пил водку как воду. Было время, когда в день выпивал по 5 бутылок. В 1927 году я узнал, что пьянство излечимо. Я начал просить врача, чтобы он направил меня в Ле-

нинград. Я попал в 17-й участок. В диспансере меня вылечили. С 1927 года я перестал пить, когда вернулся домой, то сразу организовал ячейку по борьбе с алкоголизмом» [15, с. 24].

Таким образом, пропаганда использовала различные приемы убеждения и агитации. Однако итоговые результаты были невелики. Полномасштабного перехода к общественному питанию именно как замены домашнего питания не произошло. Однако причина была не в ошибках пропаганды, а в том, что сама власть дала откат в политике полного перехода к общепиту. В 1934 году на XVII съезда ВКП (б) идея домов-коммун подверглась критике и официально была осуждена [27, с.150]. Представляется, что такой поворот был связан с тем, что власть осознала необходимость более широкого применения экономического стимулирования труда. К середине 1930-х годов происходит выделение элиты (партийной, научной и творческой), среди рабочего класса также происходит процесс выделения элиты за счет передовиков производства и ударников. Один из механизмов стимулирования передовиков производства проявился в жилищном строительстве. Как отмечает М. Г. Меерович, квартира становится инструментом социального стратифицирования [30, с. 270]. 25 марта 1932 года выходит постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) «О постройке домов специалистов», которым предусматривалось строительство домов для творческой элиты. При этом предусматривалось предоставление для каждой семьи отдельной квартиры с индивидуальной кухней. Таким образом, на уровне элитарного жилья происходит возврат к домашнему образу с учетом индивидуальных вкусов потребителей. При этом в некоторых проектах организации такого элитарного жилья, которые поступали от граждан, проблема общественного питания рассматривалась как процесс удовлетворения индивидуальных запросов по системе ресторана. Например, тов. Герц Карлович Злотинский из Москвы в своем письме Микояну предлагал для министерских работников и работников наркоматов строить дома с круглосуточным пребыванием сотрудников, в которых совмещались бы жилые и рабочие кабинеты, условия для отдыха (кружки, спортивные площадки). В каждой квартире предусматривалось оборудование индивидуальной кухни, туалета, душевых. При этом автор проекта предусматривал устройство столовой с отдельными столиками на 4 человека со скатертями, цветами, на каждом столике фамилия обедающего, и число едоков с меню и заказами обеда и ужина на следующий день [3, л. 121]. Таким образом, несмотря на усиленную работу пропаганды, идея всеобщего общественного питания в столовых в головах граждан не закрепилась. Полной замены домашнего приготовления еды на систему столовского питания не произошло. В дальнейшем власть рассматривала задачу охвата общепитом только питания школьников и рабочих в обеденный перерыв. Более того, в общественном сознании посещение пунктов питания вне рамок рабочего времени рассматривалось как проявление буржуазно-мещанской психологии. Например, тов. Тышук К. В. из Ленинграда в январе 1969 года в ЦК ВЛКСМ о недостатках воспитательной работы среди молодежи писал: «Свободное время юноши и молодежь проводят в ресторанах, кафе, барах» [37, л. 134].

Подводя итог, следует отметить, что советская пропаганда использовала очень широкий арсенал приемов агитации и убеждения. Периодическая печать в этой системе убеждения выступала на переднем крае борьбы. Многие из этих приемов были универсальными и являются на сегодня классическими методами рекламы и убеждения и используются как в коммерческой, так и в политической рекламе. При этом целью рекламы было не просто изменить какие-то отдельные черты жизни, а фактически осуществить революцию быта. Важнейшей задачей на тот момент было вовлечение в сферу производства женских рабочих рук, что было невозможно без слома ментальных установок и системы бытовых практик, отказа от традиционного домашнего уклада, от домашнего питания и замены его системой общепита. В системе дихотомии «свой»-«чужой» чужим выступала старая коммунальная кухня с примусами или крестьянская изба с готовкой в отдельной кастрюльке или чугунке. При этом общепит рассматривался в идеологии советской власти как система общественного производства, выполняющая в первую очередь задачу пополнения энергетических ресур-

сов организма, причем одновременно большой массы людей, об учете индивидуальных особенностей, вкусах различных людей речи не шло.

Однако оценить успех данной агитационной компании очень сложно, поскольку перестройка таких рутинных бытовых практик требует достаточно больших временных ресурсов. А власть очень быстро сама сделала шаги назад, вернувшись к идее домашнего питания. И причина была не в том, что эта идея общественного питания не получила поддержки у населения, а в том, что власть увидела в системе дифференциации жилищных условий механизм стимулирования производительности труда. Поэтому обед в семейном кругу в собственной комнате стал атрибутом более успешной жизни.

Список источников и литературы

1. *Веселие Руси XX век: градус новейшей российской истории: от "пьяного бюджета" до "сухого закона"* (2007). М.: Пробел-2000. 476 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-3251. Оп. 28. Д. 795.
3. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 120. Д. 714.
4. ГА РФ. Ф. Р-6983. Оп. 1. Д. 159.
5. ГА РФ. Ф. 6983. Оп. 1. Д. 185.
6. ГА РФ. Ф. 6983. Оп.1. Д. 74.
7. Климочкина А. Ю. (2006). *Бытовая культура советских горожан в 1930-е гг.* // Вестник СамГУ. № 10/1 (50). С. 86-93.
8. Коммуна. 1929. 30 мая.
9. Коммуна. 1930. 15 апреля.
10. Коммуна. 1930. 23 ноября.
11. Костюрина Н. Ю. (2006). *Досуг и быт нового советского города 1930-х годов: проекты и действительность* // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. № 3 (127). С. 148-155.
12. Кузьмина А. П. (2013). *Электрификация села на Урале в 1920-1953 гг.* // Уральский исторический вестник. № 1. С. 52-58.
13. Культура и быт. 1930. 13 июля.
14. Культура и быт. 1930. №15-16.
15. Культура и быт. 1930. № 4.
16. Культура и быт. 1930. Август. № 15-16.
17. Культура и быт. 1930. Апрель.
18. Культура и быт. 1930. Июль.
19. Культура и быт. 1931. 12.
20. Культура и быт. 1931. № 1.
21. Культура и быт. 1931. № 11.
22. Культура и быт. 1931. № 5.
23. Культура и быт. 1931. № 7-8.
24. Культура и быт. 1931. № 9.
25. Культура и быт. 1931. Февраль.
26. Лебина Н.Б. (2015). *Советская повседневность: нормы и аномалии: от военного коммунизма к большому стилю*. М.: Новое литературное образование. 482 с.
27. Лебина Н. (2012). *Советский дом-коммуна: Границы тела* // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. Вып. 23. М. С. 133-151.
28. Лившин А. Я., Ложкина А. С. (2012). *«Образ власти» и «образ другого» в 1930-е гг.: политические задачи и пропаганда* // Государственное управление. Электронный вестник. № 35. С. 2-27.

29. Лившин А. Я. (2019). *Советская пропаганда периода Великой Отечественной войны: образ врага и образ союзника* // Человеческий капитал. № 12 (132). С. 22-29.
30. Меерович М. Г. (2008). *Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917-1937)*. М.: РОССПЭН. 300 с.
31. Митрофанов А. Г. (2019). *Коммунальная квартира: хроника советского быта*. М.: Молодая гвардия. 425 с.
32. Осипович М. (1931). *За социалистическую перестройку быта: Социально-бытовое и страховое обслуживание работниц*. М.: Сов. законодательство. 82 с.
33. Пролетарский путь. 1929. 18 октября.
34. Пролетарский путь. 1930. 1 апреля.
35. Пролетарский путь. 1930. 2 апреля.
36. Пролетарский путь. 1930. 5 апреля.
37. Российский архив социально-политической истории (РАСПИ). Ф. 1. Оп. 45. Д. 110.
38. Ющук Д. Д., Бочкарева А. С. (2017). *Социалистическая пропаганда и агитация в России в период революций и становления советской власти* // Электронный сетевой политематический журнал "Научные труды КубГТУ". № 10. С. 277-288.

References

1. *Veseliye Rusi XX vek: gradus novejshej rossijskoj istorii: ot "p'yanogo byudzheta" do "suhogo zakona"*. [Veseliye Rus 'XX century: the degree of modern Russian history: from the "drunken budget" to the "prohibition"] (2007). Moscow, Probel-2000 Publ. (in Russian).
2. Klimochkina A. Yu. (2006). *Bytovaya kul'tura sovetskikh gorozhan v 1930-e gg.* [Household culture of Soviet citizens in the 1930s.] in Vestnik SamGU, 10/1 (50), 86-93. (in Russian).
3. Kostyurina N. Yu. (2006). *Dosug i byt novogo sovetskogo goroda 1930-h godov: proekty i dejstvitel'nost'* [Leisure and everyday life of the new Soviet City of the 1930s: projects and reality] in Vestnik Dal'nevostochnogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk, 3(127), 148-155. (in Russian).
4. Kuzmina A. P. (2013). *Elektrifikaciya sela na Urale v 1920-1953 gg.* [Electrification of the village in the Urals in 1920-1953] in Ural'skij istoricheskij vestnik, 1, 52-58. (in Russian).
5. Lebina N. B. (2015). *Sovetskaya povsednevnost': normy i anomalii: ot voennogo kommunizma k bol'shomu stilyu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies: from Military Communism to the Grand Style]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. (in Russian).
6. Lebina N. (2012). *Sovetskij dom-kommuna: Granicy tela* [Soviet house-commune: The boundaries of the body] in Teoriya mody. Odezhda. Telo. Kul'tura, t. 23. Moscow, 133-151. (in Russian).
7. Livshin A. Ya., Lozhkina A. S. (2012). *"Obraz vlasti" i «obraz drugogo» v 1930-e gg.: politicheskie zadachi i propaganda* ["The Image of Power" and "the image of another" in the 1930s: political tasks and propaganda] in Gosudarstvennoe upravlenie. El. vestnik, 35, 2-27. (in Russian).
8. Livshin A. (2019). *Sovetskaya propaganda perioda Velikoj Otechestvennoj vojny: obraz vraga i obraz soyuznika* [Soviet propaganda of the period of the Great Patriotic War: the image of the enemy and the image of the ally] in Chelovecheskij kapital, 12 (132), 22-29. (in Russian).
9. Meerovich M. G. (2008). *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi (1917-1937)* [The punishment of housing: housing policy in the USSR as a means of managing people (1917-1937)]. Moscow, ROSSPEN Publ. (in Russian).
10. Mitrofanov A. G. (2019). *Kommunal'naya kvartira: hronika sovetskogo byta* [Communal apartment: chronicle of Soviet life]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ. (in Russian).

11. Osipovich M. (1931). *Za socialisticheskuyu perestrojku byta: Soc. bytovoe i strahovoe obsluzhivanie rabotnic* [For the socialist perestroika of everyday life: Social. household and insurance services for workers]. Moscow, Sov. zakonodatel'stvo. (in Russian).
12. Yushchuk D. D., Bochkareva A. S. (2017). *Socialisticheskaya propaganda i agitaciya v Rossii v period revolyucij i stanovleniya sovetskoj vlasti* [Socialist propaganda and agitation in Russia during the revolutions and the formation of Soviet power] in Electronic network polythematic journal "Scientific Works of KubSTU", 10, 277-288. (in Russian).